находятся на таком уровне, что превращают здоровых детей в больных, т. е. обостряют проблему вместо того, чтобы разрешить ее.

Итак, женщине отказано в том, чтобы быть женщиной в личной и семейной жизни. Ее выталкивают из дому — искать пропитания. Но, может быть, в работе «на благо общества» она может удовлетворить свой созидательный порыв? Может быть, здесь она сможет прикоснуться к истинному творчеству?

Наталия МАЛАХОВСКАЯ

Заживо погребенные

Доклад Т. Горичевой был встречен собравшимися с горячим одобрением. Затем слово взяла Н. Малаховская. Она сказала:

«Мне удалось заранее познакомиться с тезисами таниного доклада. Они меня очень обрадовали: где-то подспудно у меня самой возникали те же мысли, а Тане удалось особенно хорошо их выразить. У меня появилась потребность развить эту тему, более подробно осветить одну ее грань. Мне интересно, согласитесь ли вы со мною. Но прежде хочу внести небольшое уточнение: Таня вспоминает слова Симоны де Бовуар о рабстве женщины у ветхих стихий: огня, воды, воздуха. Может быть, у них во Франции этим дело и ограничивается, но у нас это рабство усугубляется, т. к. в России женщина вынуждена находиться в плену и у других ветхих стихий: стихии стадности в бесконечных очередях, стихии озлобленности в уличных и транспортных давках и особенно — на коммунальных кухнях.

А теперь я хочу поделиться с вами мыслями, которые вызвал у меня таний доклад.

Женщина у нас действительно правит, но женщина, которой не дают быть на самом деле женщиной. Женщина, в которой наша жизнь убивает прежде всего женственность. Как это происходит?

Американские ученые, исследуя психологию двух полов, пришли к выводу, что сфера доминирующих интересов женщины лежит в области **отношений,** в то время как сфера доминирующих интересов мужчины — в области вещей. Не будучи в состоянии проводить научные исследования сама, я, однако, рискну дополнить эту мысль, приблизительно намечая круг интересов женщины, те ценности, которые более всего привлекают ее в жизни.

Это — созидание любви как новой духовной реальности, созидание нового во всех областях жизни. Но при этом, о чем бы ни шла речь, женщине небезразлично, что именно она создает, ей необходимо знать цель и результат своего творчества — в отличие от мужчины, который может инфантильно «застрять» на самом процессе работы, зачастую ослепленного «вещью», фетишизирующего профессионализм — от мужчины, способного с важным видом заниматься «техникой для техники», «наукой для науки» или «искусством для искусства» в то время, как весь мир летит в тартарары.

Созидая, женщина чувствует и большую ответственность за все, чему она дает жизнь, и за ту жизнь, которую она дарует своим детям.

Наше общество построено таким образом, что в нем можно достигнуть только ценностей вещного, предметного характера. Хоть и трудно, но можно добиться и квартиры, и дачи, и даже машины — предмета вожделений многих мужчин. Ценою убиения в себе совести, ответственности, творческого начала (т. е. невещественных качеств) можно добиться и карьеры. Но ценностей, лежащих в сфере отношений, т. е. тех, без которых для женщины и жизнь не в жизнь, никакой ценой добиться нельзя.

В самом деле: пока человек ищет только вещи, он может надеяться получить именно ее (машина не перестает быть машиной от того, что ее добыли нечестным путем). Но, взыскуя любви и творчества, мы обречены на неудачу. Любимого человека мы можем получить — но очень часто лишь ценой утраты самой любви, только после того, как любовь (которая «долготерпит и не ищет своего») превратится в грязную нравственную сделку. Мы можем добиться, следовательно, человека только как вещи, как его предметной оболочки. То же самое — и в области творчества. Любая работа достижима — но только как место работы, как должность, где невозможно заниматься тем, что составляет суть и смысл этой работы.

Как в сказке, драгоценности превращаются в битые черепки, едва к ним прикасаются наши руки. (Оживление, одобрительные реплики).

Рассмотрим подробнее каждый из этих аспектов.

Угнетение человека в нашем обществе зашло гораздо глубже всех мыслимых пределов. Когда на обвинения со стороны Запада в том, что у нас нет политических прав, наши идеологи отвечают: «а зато у нас есть социальные и экономические права» — они не просто лгут, они не понимают, на что поднимают руку, лишая людей политических прав. Мне хочется, чтобы до всех, наконец, дошло: **лишение политических прав имеет отношение не столько к политическим интересам человека, сколько к самым интимным сторонам его бытия.** Насильственно ограничивая круг общения человека, власти не

только причиняют человеку страдания, не только ломают его судьбу — они совершают святотатство, вместе с душою убивая и то святое в ней, что вообще не должно быть подвластно человеческим властям (ведь сказано же — «что Бог соединил, человек да не разъединит»).

Узы тьмы, налагаемые на душу человека, уродуют ее до неузнаваемости. У нас полностью атрофировалось представление о том, что человек имеет право быть счастливым, имеет право хотеть именно того, чего он хочет на самом деле, и стремиться к этому. С раннего детства советское воспитание направлено, чтобы восстановить человека против его собственного «я», внушить подозрительное отношение к собственным его потребностям, вбить в детскую голову идею долга — долга перед чем-то абстрактным, почти мистическим, недоступным детскому сознанию: перед Родиной, партией и пр. Практически вся эта мистика проявляется в системе бесконечных табу, запретов, ограничений: и то, что они связаны с обязательным произнесением неких слов-заклятий, слов, по большей части лишенных смысла и, однако, производящих ошеломляющее впечатление — делает еще более очевидным сходство этого процесса с **магическим обрядом.** Именно слово — как символ, знак, — выступает на первый план, совершенно уничтожая при этом то, что оно означает, превращаясь в фетиш (означающее убивает означаемое). Достаточно сказать: он изменник Родины! — и все будут плеваться, даже не пытаясь узнать, а что же, собственно, человек этот сделал (а, к примеру, по одной из статей уголовного кодекса отказ вернуться из-за границы рассматривается как измена Родине и наказывается лишением свободы сроком на 15 лет). В связи с этим мне вспоминается такой эпизод: в саду две шестилетние девочки подошли к малышке лет трех с вопросом: «Любишь ли ты Ленина?» Кроха ответила что-то невразумительное, вроде «не знаю», и тогда большие девочки набросились на нее с кулаками и били ее, пока не вмешались взрослые. Вот плоды раннего идеологического воспитания.

Все это вместе приводит к тому, что первым уроком, который мы извлекаем из жизни, становится правило: «если ты чего-то хочешь, то этого-то как раз и нельзя». Достичь желанного можно только случайно, никакие осознанные усилия привести к этому не могут. Часты такие ситуации, когда мне случайно оказывается доступным то, что нужно тебе, а мне ни к чему — и наоборот. Но мы не можем поменяться судьбой! Мы оставлены на произвол случая, мечемся в сетях разнородных случайностей — поэтому и процветает у нас вера в судьбу, рок.

Хочется вспомнить замечательные слова апостола Павла из 13-ой главы его Послания к Коринфянам: «Любовь... не радуется неправде, а сорадуется истине...» По своей природе это чувство не может мириться с тою тьмой, в которую мы погружены, с необходимостью лгать изо дня в день, на каждом шагу, чтобы удержаться на поверхности, не лишиться работы, не попасть за решетку. Тем не менее жизнь требует от человека именно этого — и он вступает в конфликт с совестью, а значит, и с любовью. Духовное чувство не может расти на почве бездуховности — тут я должна сослаться на статью С. Соколовой «Слабый пол»

— мужчина как партнер при создании семьи чаще всего оказывается несостоятельным именно в силу своей духовной, гражданской и политической несостоятельности. Таким образом оправдывается формула «где нет свободы, там нет и любви».

Но у нас нет не только свободы.

О том, как замечательно мы «имеем» социальные и экономические права, уже писалось в первом номере альманаха «Женщина и Россия». Именно поэтому женщина просто физически не может иметь столько детей, сколько ей хочется, чтобы удовлетворить свою потребность в материнской любви: негде жить, не на что кормить — да и сама умрешь с голоду, если будешь сидеть с детьми дома вместо того, чтобы работать по 8 часов в день. Детские учреждения у нас находятся на таком уровне, что превращают здоровых детей в больных, т. е. обостряют проблему вместо того, чтобы разрешить ее.

Итак, женщине отказано в том, чтобы быть женщиной в личной и семейной жизни. Ее выталкивают из дому — искать пропитания. Но, может быть, в работе «на благо общества» она может удовлетворить свой созидательный порыв? Может быть, здесь она сможет прикоснуться к истинному творчеству?

Но работа для нас — не средство самовоплощения, а проклятие. Шаг за шагом проходя через все испытания, мы убеждаемся, что в нашем царстве равных невозможностей творчество в истинном смысле слова невозможно ни в какой сфере деятельности. Самодержавие проникло у нас во все сферы деятельности. Человек, который хочет работать-творить, на любом месте оказывается не ко двору. Учитель, который хочет действительно учить детей, окажется таким же изгоем, на него будут показывать пальцами точно так же, как на повара, который мечтает кормить людей вкусной пищей вместо того, чтобы обворовывать их, подсовывая им тухлятину, как на врача, который вздумал бы лечить больных вместо того, чтоб выписывать (или не выписывать) больничные листки, как на работника общества охраны природы, которому пришла бы в голову блажь действительно охранять природу вместо того, чтобы тихо-мирно писать протоколы и высчитывать проценты сдачи членских взносов. Даже в том единственном, что нам оставлено — даже в этом мы не можем отыскать естественного смысла. Смысл полностью вытеснен из всех клеток нашего существования: тот, кто вздумал бы искать его, вместо того, чтобы приспособиться к бессмысленности, третировался бы как сумасшедший.

Лишая нас возможности истинного созидания, в нас убивают женщин. Женщине не дают творить — она начинает разрушать. По закону цепной реакции вчерашняя жертва становится сама палачом. Палачом собственной души, лучших ее порывов, совершая святотатство. Палачом для ближних: детей и всех, попадающих в сферу ее влияния. Как страшны эти маленькие начальнички, могущие совершить только зло! Эти секретарши в вузах, приемщицы белья в прачечных, эти наглые продавщицы и буфетчицы, директорши школ...»

Ю. Вознесенская: «Государственные стервы».

— «Да, везде — одни законы, от магазина до суда, Таня правильно сказала — кухонные законы. Женщины, которым не дали быть женщинами, превращаются

в страшные бесполые существа, полностью лишенные ласковости, доброты женской, ее стремления всех понять, всех утешить, исправить все зло. Леденящий ужас возникает при одном взгляде на это исковерканное создание, что испытывает чудовищное наслаждение от приносимого ею зла. Злорадство, злобная радость в ее глазах — на дне которых таится неосознанное страдание.

Тотальное зло, в котором мы живем, переросло все мыслимые рамки, в том числе и рамки политики. Оно — онтологично. Мы поставлены перед простым выбором: свет — или тьма, правда — или ложь, жизнь — или смерть. Зло проницает все поры наших тел и наших душ, только неустанная борьба с ним может нас спасти.

Решимость идти до конца нам придает не отчаяние, а ясное осознание, что ничто не может быть хуже той прижизненной могилы, в которую превращена у нас в стране жизнь женщины».

ВОПРОСЫ.

Л. Кучина: Вы говорите о творчестве женщины, но не развиваете эту мысль. Что именно вы подразумеваете под чисто женским аспектом творчества — только творчество в любви, в семье?

Н. Малаховская: Нет, я считаю, что женщина может и должна творить во всех сферах жизни, а женский аспект творчества я вижу в том, что для женщины, в отличие от мужчины, прежде всего важна цель творчества. Она не может творить бесцельно, ради процесса творчества, как это часто случается у мужчин, у которых профессионализм порою становится чуть ли не единственным мерилом человеческой значимости.

Юлия ВОЗНЕСЕНСКАЯ

Домашний концлагерь

Ю. Вознесенская: Вот почему мы видим столько христиан, опытом своей жизни опрокидывающих христианство. Даже христианство может стать профессионализмом.

Дело в том, что в стране, где государственная власть носит тоталитарный характер, происходит проникновение государственности во все другие жизненные системы: в наш быт, наши привычки, наше общение. Семья, школьный коллектив, коллектив производственный — все они являют собой отражения государственной системы, все строятся по схеме тоталитаризма, автократии. В